

Леонид Андреев. Цветок под ногою

Оригинал находится здесь: [Библиотека. Леонид Андреев.](#)

I

Имя его - Юра.

Ему было шесть лет от рождения, седьмой; и мир для него был огромным, живым и очаровательно-неизвестным.

Он недурно знал небо, его глубокую дневную синеву и белогрудые, не то серебряные, не то золотые облака, которые проплывают тихо: часто следил за ними, лежа на спине среди травы или на крыше. Но звезд полностью он не знал, так как рано ложился спать; и хорошо знал и помнил только одну звезду, зеленую, яркую и очень внимательную, что восходит на бледном небе перед самым сном и, по-видимому, на всем небе только одна такая большая.

Но лучше всего знал он землю во дворе, на улице и в саду со всем ее неисчерпаемым богатством камней, травы, бархатистой горячей пыли и того изумительно разнообразного, таинственного и восхитительного сора, которого совершенно не замечают люди с высоты своего огромного роста. И, засыпая, последним ярким образом от прожитого дня он уносил с собою кусок горячего, залитого солнцем стертого камня или толстый слой нежно-жгучей, щекочущей пыли. Когда же с матерью он бывал в центре города, на его больших улицах, то по возвращении лучше всего помнил широкие, плоские каменные плиты, на которых и шаги, и самые ноги его кажутся ужасно маленькими, как две лодочки; и даже множество вертящихся колес и лошадиных морд не так оставалось в памяти, как этот новый и необыкновенно интересный вид земли.

И все было для него огромно: заборы, деревья, собаки и люди, но это нисколько не удивляло и не пугало его, а только делало все особенно интересным, превращало жизнь в непрерывное чудо. По его тогдашней мерке предметы выходили такими:

Отец - десять аршин.

Мама - три аршина.

Соседская злая собака - тридцать аршин.

Наша собака - десять аршин, как и папа.

Наш дом одноэтажный, но очень-очень высокий - верста.

Расстояние от одной стороны улицы до другой - две версты.

Наш сад и деревья в нашем саду - неизмеримы, высоки бесконечно.

Город - миллион, но чего - неизвестно.

И все остальное в таком же роде. Людей он знал много, огромных и маленьких, но лучше знал и ценил маленьких, с которыми можно говорить обо всем; большие же держали себя так глупо и расспрашивали о таких нелепых, всем известных, скучных вещах, что приходилось тоже притворяться глупым, картавить и отвечать нелепости; и, конечно, хотелось как можно скорее уйти от них. Но были над ним, и вокруг него, и в нем самом два совершенно особенных человека, одновременно больших и маленьких, умных и глупых, своих и чужих: это были отец и мама.

Наверное, они были очень хорошими людьми, иначе не могли бы быть отцом и мамой; во всяком случае, они были людьми очаровательными и единственными в своем роде. С полной уверенностью можно было сказать одно: что отец очень велик, страшно умен, обладает безграничным могуществом и от этого немного страшен; интересно бывает с ним поговорить о необыкновенных вещах, для безопасности вложивши свою руку в его большую, сильную, горячую ладонь. Мама же не так велика, а иногда бывает совсем маленькою; очень добра она, целует нежно, прекрасно понимает, что это значит, когда болит животик, и только с нею можно отвести душу, когда устанешь от жизни, от игры или сделаешься жертвою какой-нибудь жестокой несправедливости. И если при отце неприятно плакать, а капризничать даже опасно, то с нею слезы приобретают необыкновенно приятный вкус и наполняют душу такою светлою грустью, какой нет ни в игре, ни в смехе, ни даже в чтении самых страшных сказок. Нужно